

Этот был один из интереснейших вечеров, проведенных за последний год в зале имени Чайковского: впервые исполнялась Симфония № 3 композитора Александра Курченко под загадочным названием "Читая "Братья Карамазовы"". То есть под чтение знаменитого романа Ф.М. Достоевского и возникла эта Симфония для оркестра народных инструментов, хора мальчиков, мужского хора, солистов — тенора, чтеца, гитариста, скрипки.

Ученые называют роман философским, идеологическим, много толкового о нем сказано. Но эти умные прилагательные как-то от "Братьев Карамазовых" отстают. Не прилагаются. Другими, неведомыми средней литературе путями, в бурную клочущую и захватывающую историю одной русской семьи старинного рода вошло то, что именуется идеей жизни. Итак, примем термин: **идея жизни**. Но, наверное, и этим речевым оборотом не исчерпать, что такое этот роман, роман жизни России как живого организма. Или великого этноса.

Задач такой сложности композитор А. Курченко и дирижер Н. Калинин, быть может, и не ставили, но проникнуться душевной тревогой Достоевского и задеть нас ею издалось в лучших частях симфонического произведения.

Но кроме того, кроме образов чисто музыкальной выразительности, Александр Курченко вводит в симфонию — законно — большие ключевые фрагменты из романа и дает артисту Геннадию Бортникову право

Вечное поле

Нина ВЕЛЕХОВА

тоже ввести в цельность этого сложного явления свое понимание мысли романа XIX века, звучащего, однако, как глубоко современный.

Щедр красками голос актера, голос незаурядный, не однотонно-бытовой, а привлекающий, я бы сказала, скрытой в его глубине иронической грустью о нашем безалаберном и безгеройном времени. Бортников — мыслящий и аналитический актер, он вообще актер Достоевского, что доказано его творческой биографией. С первых же фраз чтение настроивает наше внимание на главное.

Что же входит в понятие главного?

Слушайте, с чего начинается Симфония № 3, и многое станет ясно. С суда. Какого? — спросит кто-то, — уж не с суда ли над Митей, хотя еще не сказано обо всем, что суду предшествовало? С суда, ибо он — трамплин, с которого летит мысль автора, ибо суд — конечно, метафора, здесь не только осуждают, сколько обсуждают, что такое Россия, что такое это загадочное этно-психологическое явление, как сказал бы Л.Н. Гумилев. Достоевский приводит афоризм Гоголя о птице-тройке. Точнее — об этом афоризме напоминает Прокурор. Сам же он, Достоевский, непросто к этому афоризму относится, говоря, что непонятно еще, куда эта тройка вывезет, если в нее запря-

жены Собакевичи, Ноздревы и Чичиковы. Кстати, замечу, Прокурор и Достоевский не одно лицо, никто из них никого не представляет, но и приведено это сравнение не зря. Брошенное не на ветер, оно заставляет думать. И потому, кажется мне, в симфонии все определяет вот такой образ — простор безграничный, а главная форма — движение, имеющее характер неукротимости, устремленности, жажды достичь чего-то, что, как бывает с большими порывами, недосыгаемо.

Гонят Тройку те силы, отражение которых здесь, на суде предстает, и их-то и разбирает этот суд по косточкам. Это семья Карамазовых, и судят о ней (или ее) потому, что Достоевский собрал в лицах этой семьи **элементы, признаки, проблемы российского общества**, российской души и сознания.

Да, семья эта вроде зеркала, и Россия в этом многогранном зеркале отразилась (и еще будет отражаться, меняясь время от времени). "В картине этой семейки не все о России, а лишь (говорит Достоевский) мелькают некоторые общие основные элементы нашего современного интеллигентного общества". И тогда делается ясно, почему в Симфонии № 3 отражено трагическое метание при целеустремленном беге-скачке и почему так переходчивы эмоциональ-

ные краски и темпы потока музыкальных тем. Бег, скачка — это история наша. И то, что Симфония написана для народных инструментов — направляет наше восприятие на **особенность народной души в ее истоках**, на связь людей нашего прошлого с природой, с естественной музыкой ветров, просторов, с "голосом" космоса.

Да, Россия здесь является главной героиней, и, кажется, об этом поет скрипка у В. Ворона, гусли под пальцами Л. Муравьевой и легковейные балалаечные струны.

Образ бушующего простора развертывается во времени, выступает как вечное поле, где бьются Бог и Дьявол за душу человека. Дьявол или Бес — фигура очень существенная для русского эпоса. Бес, о котором впервые обмолвился Пушкин в стихе о поле в метельную ночь и который водит человека в поле меж сугробов; неба и дорожных столбов. Образ России трагичен в русской поэзии, и ни одна другая страна не имеет поэзии с такой ярко выраженной темой страдания (и сочувствия к ее страданию), как она, Россия.

В поток идей, перекликающихся через века, вступает и музыка Курченко. По мере развития действия Симфонии наплывают новые во времени темы борьбы, и с ними — образы разрушения, сверхчеловеческий

сумбур, для чего композитор использует свет в качестве усиления выразительности. Отрицание бунта бессмысленного и беспощадного становится с возникновением страшной идеи — "Если нет Бога, то все позволено" как своевольная компенсация за долгое, веками измеренное утешение.

Символика сопоставления драмы семьи и драмы самой истории выражена ярко. Но и среди этой безалаберщины нашей звучит надежда: осторожной любовью все омыть, овеять. Пик Симфонии — молитва двух душ, мольба о спасении в человеке чистоты, божественного начала.

Во второй половине борьба достигает кульминации. Бесы как бы переходят в наступление, они диссонансны, но в своей диссонансности активно динамичны и заразительны. Это уже новое искушение, врывающееся в жизнь, новые лжепророки, которые ассоциируются в нашем сознании с современными разрушительными движениями. Тут уже не символы — тут ритмы нашей реальности.

Сдвиги идут по всей поверхности земли, как лесной пожар. Вечный вопрос героев Достоевского "Зачем живет человек, если нет бессмертия?" остается и вечной, будоражащей мозг, тревогой. Композитор находит ответ на него в эпиграфе к роману, в притче о зерне и им завершает: "Истинно, истинно говорю вам, если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода". Этим стихом Евангелия от Иоанна голос Бортникова завершает симфонию.

Экран и сцена —